

ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ

Е.Н. Лисанюк

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ВЫБИРАЕТ ПРАВОСЛАВИЕ, ИЛИ ТРИ СПОРА В «СКАЗАНИИ ОБ ИСПЫТАНИИ ВЕР»*

Лисанюк Елена Николаевна – доктор философских наук, доцент. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1; e-mail: elenalisanyuk@yandex.ru

На примере «Сказания об испытании вер» из «Повести временных лет» продемонстрировано результат применения пяти классификаций аргументативных диалогов к решению трех ключевых задач анализа аргументации – ее обнаружения, реконструкции и оценки. Обращение к классификациям Аристотеля, С.И. Поварнина, Э. Краббе – Д. Уолтона, Э. Барт – Э. Краббе, И.Б. Микиртумова, каждая из которых, оперируя своим набором критериев, позволяет раскрыть формальные, риторические, диалектические и прагматические особенности аргументации и диалогов, где она реализуется. Итогов спора князя Владимира с послами ислама, иудаизма и католицизма, где князь отклоняет аргументацию каждого из них, и спора с философом, послом византийского христианства, призывающим Владимира принять православное крещение, недостаточно для обоснования тезиса, отстаиваемого летописцами в споре с читателями о том, что православие – верный выбор и наилучшая вера для Руси, так как в первых двух спорах он не обсуждался. Сопоставление результаты применения пяти классификаций ко всем трем спорам, показывает, каким образом аргументация в первых двух постановочных тертиарных спорах, или спорах на публику, становится частью аргументации в третьем споре, реализуя удачную риторическую стратегию срежиссированной летописцами исторической инсценировки с участием князя Владимира и его полумифических собеседников. При этом такие особенности нарратива летописи, как ценности сохранения традиций, единства народа, образы Владимира и княгини Ольги, выступают элементами аргументации в поддержку не столько решения Владимира в пользу православия, сколько идеи о том, что это верный выбор для Руси.

Ключевые слова: аргументация, убеждение, спор, диалог, классификация споров, Сказание об испытании вер, Повесть временных лет

Для цитирования: Лисанюк Е.Н. Князь Владимир выбирает православие, или Три спора в «Сказании об испытании вер» // Философский журнал / Philosophy Journal. 2026. Т. 19. № 1. С. 147–162.

* Автор благодарит рецензента за глубокое понимание и меткие рекомендации, позволившие лучше выразить результаты исследования.

Введение

На примере «Сказания об испытании вер» из «Повести временных лет» (ПВЛ, 59–77)¹ – древнейшей русской летописи, созданной Нестором и другими монахами Киево-Печерского монастыря в начале XII в. и дошедшей до нас в списках XIV–XVI вв., мы продемонстрируем эвристическую ценность применения пяти классификаций аргументативных диалогов, или споров, с точки зрения трех ключевых задач анализа аргументации – ее обнаружения в тексте, реконструкции и оценки. В «Сказании об испытании вер» находим три диалога. В диалоге князя Владимира Святославовича (ок. 960–1015) с послами трех религий – ислама, иудаизма и католицизма (далее – спор ВП), каждый из послов стремится убедить Владимира, что его вера наилучшая для Руси. Философ, посол византийского христианства, в диалоге с Владимиром (далее – спор ВФ) призывает креститься в его веру. Разыгрываемые перед читателями споры ВП и ВФ – режиссерская придумка летописцев ПВЛ в диалоге с читателями (споре ЛЧ), нацеленная убедить их, что выбор в пользу православия верный. Реконструкции аргументации в трех спорах призваны выявить ее особенности в единственном подлинном споре ЛЧ, где риторическая стратегия предъявления ключевых доводов устами исполнителей своеобразной инсценировки, в роли которых выступают исторические и вымышленные персонажи, оказалась удачной и породила миф об испытании вер, живущий в фольклоре по сей день.

Аргументация – это интеллектуальная, речевая и коммуникативная деятельность, используемая в диалоге для достижения разных целей, включая обоснование или опровержение истинности предложений, убеждение, избрание линии поведения, устранение конфликта и др. Ее основной элемент – аргумент, представляющий собой рассуждение, предназначенное обосновать тезис. Эффективность аргументации оценивают с помощью логических, риторических, диалектических и лингво-прагматических критериев². Логика изучает аргументацию в аспекте сохранения истинности в ходе формального выведения заключения из посылок. Риторика исследует связь между репрезентацией аргументации в речи и ее влиянием на слушателей с точки зрения решения задач оратора. Диалектический ракурс изучения аргументации нацелен выявить зависимости между ее реализацией в диалоге того или иного типа и его социально-коммуникативными особенностями. Предметом лингво-прагматического исследования аргументации выступают намерения и действия участников диалогов, реализуемые в ходе аргументирования.

Мы отвлекаемся от того, что не все диалоги содержат аргументацию, и здесь имеем в виду лишь аргументативные – те, где участники полагаются на аргументацию как инструмент достижения каких-либо из упомянутых выше целей. Как подсказывают эти четыре критерия, назначение аргументации и назначение диалога, где ее используют, могут не совпадать, могут различаться и задачи агентов аргументации, участвующих в одном и том же диалоге. Все это берут в расчет пять классификаций: Аристотеля; русского

¹ Здесь и далее ссылки на «Повесть временных лет» даются указанием страниц в скобках после текста по изданию: Повесть временных лет. Ч. 1: Текст и перевод. М.; Л., 1950.

² Wenzel J. Three perspectives on arguments: Rhetoric, dialectic, logic // Perspectives on Argumentation: Essays in Honor of Wayne Brockriede. Prospect Heights (IL), 1990. P. 9–26.

философа Сергея Иннокентьевича Поварнина (1870–1952); норвежского философа Эльзе Барт (1928–2015) и ее ученика, нидерландского философа Эрика Краббе (р. 1943); Э. Краббе и канадского философа Дугласа Уолтона (1940–2022); российского философа Ивана Борисовича Микиртурмова (р. 1972).

Спорами мы называем диалоги, целью которых является аргументация, направленная на преодоление эпистемологического или практического затруднения – расхождения во мнениях по какому-либо вопросу. Аргументация реализуется путем уточнения позиций сторон, защиты своей позиции, критики других точек зрения, убеждения других или достижения некоторой общности мнений в новом и желательном для его участников состоянии мира. Всякий спор – это аргументативный диалог, но не всякий диалог сводится к спору. В одном диалоге может быть несколько споров, как это происходит в споре ЛЧ, где споры ВП и ВФ играют роль доводов в защиту мнения о правильности выбора Владимира, и аргументация в спорах ВП и ВФ составляет часть аргументации в споре ЛЧ.

Мы сравниваем споры ВП, ВФ и ЛЧ в терминах этих классификаций и демонстрируем преимущества каждой применительно к обнаружению, анализу и оценке аргументации, что позволяет показать, почему исходов споров ВП и ВФ, составляющих миф об испытании вер, недостаточно для обоснования точки зрения летописцев о том, что выбор православия верный. В споре ВП Владимир отклоняет мнения послов о том, что вера каждого из них наилучшая, а в споре ВФ византийцу удастся привлечь внимание князя к православию, но не удастся убедить Владимира принять крещение по греческому образцу (ПВЛ, 75), что он сделает позднее. В результате споров ВП и ВФ выбор Владимиром православия предстает его личным решением, принятым исходя из государственных интересов и особенностей греческого христианства, что не вполне согласуется с общим нарративом ПВЛ в духе национально-государственной идеологии единства русского народа в православной вере³ – источнике благодатного преображения Владимира после крещения⁴, как ранее это произошло с его бабушкой княгиней Ольгой. Ее ПВЛ сначала рисует в образе хитромудрой девы сказок, а после крещения в Царьграде – в агиографическом образе равноапостольной святой, которая «переключала» самого византийского императора Константина (ПВЛ, 44). Сопоставляя результаты применения пяти классификаций к спорам ВП, ВФ и ЛЧ, мы показываем, каким образом особенности историко-мифологического нарратива ПВЛ, такие как ценности сохранения традиций, единства народа, образы Владимира и Ольги, становятся аргументами в поддержку не столько решения Владимира в пользу православия, сколько ключевого тезиса летописцев в споре ЛЧ, состоящего в том, что это верный выбор для Руси. Для поддержки этого тезиса как элемента продвигаемой в летописи национально-государственной идеологии ее авторы посредством риторической стратегии инсценировки споров снабжают читателей набором подтверждающих тезис

³ Lunt H.G. What the Rus' Primary Chronicle Tells Us about the Origin of the Slavs and of Slavic Writing // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 335–357. Возникновение традиции идеологически окрашенного летописания историки связывают с «Историей от основания города» Тита Ливия: Mineo B. Livy's Political and Moral Values and the Principate // A Companion to Livy. Chichester, 2015. P. 125–138.

⁴ Карташэв А.В. Очерки по истории Русской церкви. Минск, 2007. С. 114.

исторических и вымышленных фактов, способных претендовать на роль юридических прецедентов в ее обосновании⁵.

ПВЛ сообщает о событиях, завершившихся задолго до ее создания, и является важным историческим источником, несмотря на недостоверность многих описаний и датировок. Летописцы ведут свой рассказ в духе былинного нарратива, подкрепляющего идеологему единства русского народа в православии в противовес разрозненности языческих племен. В их рассказе единый русский народ издревле проживает на своей исконной земле в добрососедстве с другими племенами и доблестно защищает ее от врагов под руководством мудрых князей⁶.

Историки позитивно оценивают последствия христианизации Древней Руси, способствовавшей улучшению социально-политического и международного положения древнерусского государства и стимулировавшей его экономическое и культурное развитие⁷. Крещение Руси было частью государственных реформ князя Владимира, направленных на объединение восточнославянских земель. После неудачной попытки использовать единый языческий культ на основе распространенного на Руси многобожия, Владимир обратился к идее принять новую монотеистическую веру в качестве государственной религии. Продолжавшаяся на протяжении IX–XII вв. христианизация Руси была многоэтапным процессом и нередко встречала сопротивление⁸. Эти обстоятельства объясняют идею авторов ПВЛ ключевыми критериями в испытании вер, помимо единобожия, сделать отсутствие связи с практиковавшимися в разных землях верованиями, а также близость к русским бытовым и культурным традициям, способную сгладить переход к новой вере. Если первые два критерия в рассуждениях Владимира не упоминаются, выступая необходимыми требованиями по умолчанию, то последний звучит настойчивым контрдоводом против ислама, иудаизма и католицизма. На фоне общего нарратива о единстве древнерусского народа, политически и нравственно фундирующего принятие православия, изложение и сценографию рассуждений Владимира авторы ПВЛ предъявляют как фактический материал для убеждения читателей в правильности его решения в пользу православия.

Фактические обстоятельства решений Владимира принять крещение и православие в качестве государственной религии остаются неясными⁹. Выбор православия историки объясняют более тесными связями Руси с Византией, чем с ее другими соседями, и ростом православных общин в Киеве и других городах вслед за принятием православия почитаемой на Руси княгиней Ольгой, расценивая «Сказание об испытании вер» как мифотворчество, более позднее добавление или отголоски реальных событий – русского посольства, отправленного Владимиром в мусульманские Хорезм и Волжскую Булгарию, а также германского посольства, посетившего Русь в X в.¹⁰

⁵ Гимон Т.В. Для чего писались русские летописи? // Журнал «ФИПП». 1998. № 1 (2). С. 8–16.

⁶ См. обзор в: Шайкин А.А. Повесть временных лет: история и поэтика. М., 2011.

⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. 1. М., 1989. С. 84–85.

⁸ Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории. СПб., 1992. С. 24–25; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1988. С. 166–167.

⁹ Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 4. М.; Л., 1940. С. 9–150.

Принимая решение в пользу выбора православия, Владимир отклонил ислам, католицизм и иудаизм как не соответствующие бытовым традициям или не отвечающие задаче объединения земель:

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и избрет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том, если здесь богат, то и там», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье и подавно сказал: «Руси есть веселие пить: не можем без того быть». Потом пришли немцы из Рима, говоря: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: “Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так как наша вера – свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги – просто дерево”». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; “если кто пьет или ест, то все это во славу Божию”, – как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезаться, не есть свинины и зайчины, соблюдать субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». А он спросил: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?» (ПВЛ, 59–60).

Обстоятельная беседа Владимира с византийским мудрецом, уважительно величаемым философом, похожа на лекцию о библейской истории, но на то, что это спор, указывают начало и завершение беседы. Начиная с призыва не принимать веры магометан, потому что она «оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей»; веры католиков – потому что они «служат на опресноках, т.е. на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе»; и, наконец, веры хазарских евреев, от которых «ожидал Бог покаяния 46 лет, но не покаяться, и тогда послал на них римлян; и разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве» (ПВЛ, 74–75), свой рассказ философ завершает призывом Владимиру креститься:

¹⁰ Лихачёв Д.С. Первые семьсот лет русской литературы // Лихачёв Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы древней Руси. М., 2019. С. 7–37; Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М., 1993. С. 98; Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2014.

И, сказав это, философ показал Владимиру завесу, на которой изображено было судилище Господне, указал ему на праведных справа, в веселии идущих в рай, а грешников слева, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». Философ же сказал: «Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись». Владимиру же запало это в сердце, и сказал он: «Подожду еще немного», желая разузнать обо всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честью великою (ПВЛ, 75).

Владимир последует этому призыву позже, приняв в расчет восторженные отзывы своих послов о православном богослужении, направленных для ознакомления с церковными обрядами в разных религиях, а также напоминание бояр о мудрости принявшей православие Ольги.

ПВЛ излагает ход дискуссий об испытании вер в третьем лице как связанные одно с другим события. В этом рассказе субъект аргументации – сами летописцы, а ее адресат – читатели летописи, чьи сомнения в правильности выбора в пользу православия летописцы стремятся развеять, отклонив возможные возражения, в роли которых выступают доводы послов. Аргументами в защиту точки зрения летописцев служат не только утверждения, привычно используемые для их формулирования, такие как рассказы участников событий – послов о своих верах, послов Владимира – о наикрасивейшем из всех православном богослужении, но сами описываемые события и образы их главных действующих лиц – крещение и образ Ольги, преобразование самого Владимира, толкуемое как благодатное озарение от Духа Божия подчас вопреки историческим фактам¹¹. До принятия православия летописцы рисуют его похотливым многоженцем, имеющим около 800 наложниц, жестоким и неумным правителем. Он идет на Киев походом, словно слепое орудие в руках малограмотных варяжских язычников-реакционеров, опасаящихся уступить Царьграду влияние на русских землях вследствие принятия ими православия как просвещенной веры передовой европейской культуры. Владимир-язычник по дороге истребляет семью своего брата Ярополка, князя Полоцкого, силой берет в жены его невесту княжну Рогнеду, убив ее отца, а завоевав Киев, воздвигает там капище и приносит в жертву христианскую семью, принуждая всех поклоняться языческим богам. На киевском престоле он в одночасье преобразуется в мудрого добродетельного князя-новатора: расспрашивает послов об их верах, чтобы получше их узнать и убедить дружину и народ вслед за своим князем не мечом, но миром принять православное крещение, заключает мир с греками, отпускает наложниц и позволяет уйти в монастырь Рогнеде, покушавшейся его убить (ПВЛ, 55–57).

Выявив из нарратива ПВЛ с помощью классификаций И.Б. Микиртумова и Барт-Краббе спор ЛЧ, мы реконструируем аргументацию летописцев о правильности выбора христианства по греческому образцу, в которой роль аргументов играют рассуждения послов разных вер, возражения Владимира в споре ВП и доводы философа в споре ВФ, сформулированные в ПВЛ непосредственно как аргументы, а также положительные образы Ольги и Владимира, принявших православное крещение, и ссылки на важность сохранения единства культурно-бытовых традиций древнерусского народа, включая суверенность его земель.

¹¹ См.: Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 166–167; Шайкин А.А. Повесть временных лет. С. 106; Карташёв А.В. Указ. соч.

Классификации диалогов и споров в теории аргументации

Классификации диалогов можно поделить на разные группы в зависимости от четырех критериев: риторического – целей и задач участников речи или диалога; диалектического – целей и особенностей самого диалога; прагматического – тактических намерений его сторон, реализуемых в их аргументации; и формального, или логического, – строения диалога и аргументов в нем. Непосредственно аргументации касаются последние два критерия, а первые два затрагивают ее опосредованно через речевую и коммуникативную форму реализации, свойственные не только аргументации.

Чисто формальный взгляд на диалог сводит его к диалоговой логике – интуиционистской логической теории, в которой правила логического вывода выступают правилами перехода от одной позиции игрока к другой, демонстрируя общезначимость самих правил наряду с общезначимостью доказываемой формулы; последовательность посылок становится последовательностью изменений в позициях игроков, осуществляющих выведение заключения. От порядка ходов и применения правил зависит, о какой из логических теорий идет речь. Теория формальных дискуссий Н. Решера¹² и формальная диалектика Ч. Хэмблина¹³, развивающие идеи диалоговой логики, способствовали разработке формально-диалектической классификации диалогов¹⁴. Диалоговую логику можно назвать и формально-прагматической, потому что она связывает строение диалога с его назначением, зависящим, в свою очередь, от типа расхождения во мнениях и намерений сторон по защите и критике мнений в споре.

Формально-диалектическая классификация различает три вида споров при помощи двух критериев: формального и прагматического. Первый проводит границу между единичными и множественными спорами, в зависимости от того, состоит пропозициональное содержание мнений сторон из одного или двух и более предложений. По второму критерию споры делятся на несмешанные и смешанные. В результате единичного смешанного спора (ЕС-спора) проponent может защитить предложение P посредством аргументов, если ему удастся отклонить контраргументацию оппонента, берущего верх в противном случае. ЕС-спор не подразумевает защиты или критики противоположного предложения $\neg P$ (что P неверно), в отличие от множественного смешанного спора (МС-спора), в котором протагонист защищает P и критикует $\neg P$, отстаиваемое антагонистом, критикующим P . В результате МС-спора будет либо защищено P и отклонено $\neg P$, либо, наоборот, верх возьмет $\neg P$, а P будет отклонено. ЕС-спор является обобщением единичного несмешанного спора (ЕН-спора), в котором только одна сторона защищает свое мнение о P , в то время как вторая сомневается, не выдвигая какой-либо точки зрения по поводу P , и не берет на себя бремени доказательства или опровержения. Отечественным исследователям аргументации формально-диалектическая классификация споров известна благодаря прагма-диалектическому подходу, учитывающему формальный и риторический критерии в понятиях критической дискуссии как идеальной

¹² Rescher N. *Dialectics: A Controversy-Oriented Approach to the Theory of Knowledge*. Albany, 1977.

¹³ Hamblin Ch. *Fallacies*. London, 1970.

¹⁴ Barth E.M., Krabbe E.C.W. *From Axiom to Dialogue*. Berlin; New York, 1982.

формы аргументативного диалога и стратегического маневрирования, характеризующего изменение тактического поведения участников относительно целей, преследуемых на разных стадиях диалога¹⁵.

Чисто риторическая классификация – это классификация речей, где только одна сторона активна в достижении своих целей, а другой стороной выступает аудитория, играющая пассивную роль объекта приложения усилий оратора. Сохраняющая свое влияние и по сей день трехчастная классификация речей Аристотеля напоминает чисто риторическую: совещательные речи убеждают следовать определенной линии поведения в будущем, судебные – оправдывают или обвиняют на основе выяснения подлинной картины происшедшего, а в эпидейктических оратор оценивает – хвалит или порицает текущие события и их участников¹⁶. Помимо цели оратора относительно каждого из видов речей она учитывает характеристики слушателей, технические средства убеждения, такие как энтимема, силлогизм, наведение, пример и т.п., а также тактические ориентиры аргументации – логос, этос и пафос, поэтому является риторико-диалектической классификацией с элементами прагматики. Не относятся к речам, по Аристотелю, обучающие диалоги учителя с учениками и нацеленные на победу софистические упражнения, где важна цель самого диалога и активны обе стороны. Цицерон заложил основы формально-риторической классификации путем закрепления строения речи и процесса ее конструирования в специальном риторическом каноне¹⁷, позднее воплощенном в хрие, а Квинтиллиан повлиял на становление прагма-риторических классификаций, связав особенности роли оратора и различий в воплощении риторического канона в речах разных видов, в особенности – в судебных и политических¹⁸.

Современной обобщенной версией античных классификаций диалогов с точки зрения особенностей аргументации выступает излагаемое в учебниках риторики ее разграничение в публичных выступлениях на пять видов: научную, дидактическую, диалектическую, эристическую и софистическую. Наиболее удачную систематизацию этого разграничения находим в прагма-риторической классификации диалогов Волтона-Краббе¹⁹, основной для современной теории аргументации. Она представлена в Табл. 1 в слегка измененном виде в соответствии с рассматриваемыми нами критериями классификации. Ее авторы настаивают, что стандарты аргументирования снижаются от самых жестких в научной дискуссии, где недопустимы такие доводы как аргумент к человеку или ссылка на общепринятое мнение, до более мягких в убеждающих диалогах и самых широких в дебатах – эристических диалогах, где наряду с аргументацией посредством рассуждений применяются приемы психологического влияния.

¹⁵ *Еемерен Ф. ван, Гроотендорст Р.* Систематическая теория аргументации. Прагма-диалектический подход. М., 2021. С. 166–170, 178–179.

¹⁶ *Аристотель.* Риторика // Античные риторики. М., 1978. С. 19–25.

¹⁷ *Цицерон.* О нахождении риторики. М., 2020.

¹⁸ *Квинтиллиан.* Двенадцать книг риторических наставлений. Ч. 1–2. СПб., 1834. Кн. V.

¹⁹ *Walton D., Krabbe E.C.W.* Commitment in dialogue: Basic concepts of interpersonal reasoning. Albany, 1995. P. 66.

Таблица 1. Классификация диалогов Уолтона-Краббе

Тип диалога	Начальная ситуация	Задачи участников	Цель диалога
1. Научная дискуссия, исследование	Конфликт мнений	Установить истину	Установить истину
2. Убеждение	Конфликт мнений	Доказать свое мнение, опровергнуть другие мнения	Разрешить конфликт мнений, проблему
3. Переговоры	Конфликт интересов, ситуаций	Получить преимущество	Заклучить сделку
4. Информирование	Конфликт интересов, ситуаций	Получить или передать информацию	Обменяться информацией
5. Совецание	Конфликт интересов, ситуаций	Согласовать действия, их цели и задачи	Определить наилучший план действий
6. Эристика	Конфликт сторон, личностей	Победить другую сторону, в т.ч. перед аудиторией	Уточнить основу конфликта

В 1918 г. Сергей Иннокентьевич Поварнин, предвосхищая классификацию диалогов Уолтона-Краббе, выделяет пять видов споров по критериям целей спорщиков и их мотивам для вступления в спор и выстраивает иерархию споров в зависимости от особенностей предмета спора и способов аргументации, когнитивных требований к участникам и спектра допустимых приемов влияния²⁰. Наивысшей познавательной ценностью обладает аналогичный научной дискуссии спор для проверки истинности какой-либо мысли, который начинают, чтобы узнать, «какие возражения могут быть сделаны против нее и насколько они сильны... либо что можно сказать в ее пользу»²¹. Такой спор подразумевает лишь доводы разума и является «умственным пиром» совместного расследования истины, для чего требуется собеседник равный или более сильный по умственным способностям. Ступенью ниже С.И. Поварнин ставит спор для убеждения, когда проponent намерен убедить оппонента в том, что сам считает истинным. Еще ниже стоит спор для убеждения в том, что требуется ради иных целей, не связанных с истиной, например, если проponent – купец, нахваливающий свой товар, чтобы заключить выгодную сделку. Два вида спора-убеждения, схожие соответственно с убеждением и переговорами в классификации Уолтона-Краббе, С.И. Поварнин объединяет в один спор для убеждения как необходимо связанный с личностью адресата. В похожем на эристический диалог споре ради победы он тоже выделяет два подвида, тертиарный спор перед аудиторией и без нее. И, наконец, два вида споров, возникающих вне

²⁰ Поварнин С.И. Искусство спора. О теории и практике спора // Поварнин С.И. Сочинения. СПб., 2015. С. 499–504.

²¹ Там же. С. 499–500.

реального расхождения во мнениях, – это спор ради спора, напоминающий спортивные дебаты, и учебный спор ради упражнения.

Помимо выделения этих пяти видов, С.И. Поварнин проводит границу, послужившую одним из критериев в формально-диалектической классификации Барт-Краббе, между спором об истинности предложения и о доказательстве, а также между простыми спорами по какому-либо одному вопросу или какого-то одного вида из упомянутых выше и составными спорами, перетекающими из одного вида в другой или от одной темы к другой.

Влияние классификации Уолтона-Краббе заметно в обобщенной прагматической классификации споров И.Б. Микиртумова, состоящей из трех классификаций, которые по разным основаниям связывают прагматические, диалектические и риторические особенности спора²². Он делит споры на тематические, участники которых преследуют прямые цели спора, связанные с обсуждением мнений по каким-либо вопросам, и нетематические, где их цели – косвенные по отношению к самому диалогу и предмету обсуждения в нем, вроде намерений сторон получить или продемонстрировать свой статус – эпистемический, социальный и т.п., или изменить статус противника, поэтому один предмет спора может быть легко заменен другим. Нетематическими являются споры о повестке, где обсуждают целесообразность обсуждения какого-либо вопроса или его уточнения, а споры предметные об истинности предложений и акциональные о действиях – это тематические споры.

Помимо этого, имеется пять видов споров в зависимости от целей спора и задач сторон в нем. В декларативном споре дается экспозиция и критика точек зрения, например научная дискуссия. В споре о мнениях стороны стремятся изменить установки оппонента, как в споре-убеждении, а в споре о действиях – выдвигают аргументы в пользу совершения или несовершения некоторого действия. В тертиарном споре участники нацелены воздействовать на аудиторию, как в дебатах. В споре о статусе одна из сторон ведет спор с целью признания своего статуса другими сторонами. Цели участников спора могут не совпадать с целью диалога, а также между собой, поэтому большинство споров не одномерные, где они совпадают, а многомерные. Таковы все три рассматриваемые нами спора. Споры ВФ и ВП для Владимира являются предметными, а для Философа и послов – предметно-акциональными, как и спор ЛЧ для летописцев, тогда как для читателей он предметный.

Четыре из пяти рассмотренных выше классификаций сопоставлены в Табл. 2, за исключением классификации Барт-Краббе, потому что ни один из диалогов, выделенных ими, нельзя связать только с одним типом спора в терминах классификации И.Б. Микиртумова в силу ее формального характера, некоторые диалоги могут оказаться одним из двух, другие – с одним из трех типов спора.

²² Микиртумов И.Б. Споры тематические и нетематические: способы оценки и черты прагматики // Формальная философия аргументации. СПб., 2022. С. 266–290.

Таблица 2. Сопоставление классификаций споров
Уолтона-Краббе, С.И. Поварнина, И.Б. Микиртумова и Аристотеля

Тип диалога по Уолтону-Краббе	Споры по С.И. Поварнину	Споры по И.Б. Микиртумову	Вид речи / диалога по Аристотелю
Научная дискуссия	Спор из-за мысли	Тематический декларативный спор	Диалектическая беседа
Убеждение	Спор-убеждение в истинности предложения	Тематический спор о мнениях	Диалектическая беседа
Переговоры	Спор-убеждение независимо от истины	Тематический спор о действиях	Совещательная речь
Информирование	?	?	Эпидейктическая речь
Совещание	Спор-убеждение независимо от истины	Тематический спор о действиях	Совещательная речь
Эристика	Спор ради победы	Нетематический спор о статусе	Софистический диалог
	Спор – игра, упражнение	Нетематический тертиарный спор	

Классификация споров из «Сказания об испытании вер»

В Таблице 3 сопоставлены результаты классификации трех споров из «Сказания об испытании вер» в терминах рассмотренных выше классификаций.

Таблица 3. Споры из «Сказания об испытании вер»
в разных классификациях

Споры из Сказания	Классификация Аристотеля	Классификация С.И. Поварнина	Классификация Уолтона-Краббе	Классификация Барт-Краббе	Классификация И.Б. Микиртумова
Спор ВП	Совещательная речь	Спор-убеждение независимо от истины	Информирование и убеждение	Три единичных смешанных спора с каждой делегацией	Тертиарный тематический спор о действиях
Спор ВФ	Совещательная речь	Спор-убеждение независимо от истины	Информирование и убеждение	Единичный несмешанный спор	Тертиарный тематический спор о действиях

Спор ЛЧ	Судебная речь	Спор-убеждение ради истины	Убеждение	Единичный смешанный спор	Тематический спор-убеждение
---------	---------------	----------------------------	-----------	--------------------------	-----------------------------

Классификация Барт-Краббе позволяет выявить пропозициональное содержание, тип расхождений во мнениях в трех спорах, роли сторон и исход спора, см. Табл. 4.

Таблица 4. Споры из «Сказания об испытании вер» в классификации Барт-Краббе

Спор	Пропозициональное содержание расхождения во мнениях	Тип расхождения во мнениях	Роли участников	Итог спора
ВП	Наша вера наилучшая	Три единичных смешанных спора с каждой делегацией	Послы – пропоненты, Владимир – оппонент	Мнения послов отклонены
ВФ	Владимиру следует креститься в православие	Единичный несмешанный спор	Философ – пропонент, Владимир – аудитория	Философу не удалось развеять сомнение Владимира
ЛЧ	Выбор православия – верный	Единичный смешанный спор	Летописцы – пропоненты, читатели – оппоненты	?

Использование этой классификации объясняет, почему с помощью споров ВП и ВФ невозможно обосновать тезис о том, что православие – верный выбор для Руси. Это было бы так, даже если бы в споре ВФ летописцы позволили бы философу убедить Владимира креститься, потому что решение о личном выборе православия Владимиром не тождественно его решению принять его в качестве государственной религии Руси и может быть лишь одним из доводов в пользу последнего, который в дальнейшем они используют в споре ЛЧ. В постановочных единичных смешанных спорах контраргументы Владимира отклоняют мнения каждой из трех делегаций послов о том, что их вера наилучшая. Не нарушая былинного нарратива летописи о поступательном развитии событий, увенчавшемся крещением Руси, в спорах ВП тезис о том, что православная вера наилучшая, не мог взять верх, потому что не обсуждался. В постановочном единичном несмешанном споре ВФ, где доводы приводит лишь философ, их оказывается недостаточно для убеждения Владимира принять крещение по православному образцу, однако хватает для того, чтобы Владимир решил направить послов узнать больше о разных верах, прежде чем последовать его призыву позднее. Исход единичного смешанного спора ЛЧ, строго говоря, неясен, потому что мнения читателей ПВЛ о том, верным ли был выбор православия, выяснить трудно, и они могут разниться, несмотря на живущий в фольклоре миф

об испытании вер. Реальные читатели в споре ЛЧ играют пассивную роль, однако для летописцев они выступают оппонентами. Летописцы считают читателей не вполне разделяющими их точку зрения и реконструируют возможные возражения читателей посредством похожих на исторические факты речах послов вер и напоминающих исторические хроники описаниях событий вроде похода на Киев Владимира-язычника, чтобы затем отклонить эти возражения в инсценировке спора ВП, подкрепив их неприемлемость другими полумифическими описаниями образа Ольги и преображения Владимира в изложении общего нарратива «Сказания об испытаниях вер».

Классификации Уолтона-Краббе и Аристотеля показывают отличие спора ЛЧ от споров ВП и ВФ, а классификация С.И. Поварнина подчеркивает, что если споры ВП и ВФ являются убеждающими спорами о действиях и не связаны с поиском истины, то спор ЛЧ – это спор-убеждение ради истины, что коррелирует с его квалификацией как судительной речи в классификации Аристотеля. В свете трех ключевых задач анализа аргументации – ее обнаружения, анализа и оценки, наибольшей эвристической ценностью обладают классификации Барт-Краббе и И.Б. Микиртумова. Их совместное использование дало возможность обнаружить спор ЛЧ через классификацию споров ВП и ВФ как тертиарных, т.е. споров на публику, в данном случае – перед лицом читателей, вследствие чего, будучи инсценировками предметно-акциональных споров между Владимиром и послами разных вер, они оказались частью предметного спора-убеждения летописцев с читателями. Подобный взгляд на спор ЛЧ позволяет такие элементы нарратива продвигаемой в ПВЛ национально-государственной идеологии, как ценности единства народа и сохранения его традиций, принятие православия княгиней Ольгой, преображение образа Владимира после крещения и его избавление от недуга, идентифицировать как аргументы летописцев, адресованные читателю с целью убедить в истинности предложения о том, что выбор православия был верный.

Заключение

С помощью пяти классификаций аргументативных диалогов и споров мы рассмотрели три спора из «Сказания об испытании вер», из которых два постановочных спора играют роль доводов в третьем споре летописцев с читателями. В споре Владимира с послами ислама, иудаизма и католицизма он поочередно отклоняет их мнения о том, что вера каждого из них – наилучшая для Руси. В споре с послом греческого христианства тому удается привлечь внимание Владимира к более глубокому изучению православия, хотя и не удается убедить его принять крещение. Летописцы ПВЛ в споре с читателями убеждают их в том, что православие – верный выбор для Руси. Использование классификаций позволило выделить третий спор из общего нарратива ПВЛ, продемонстрировать тертиарный характер первых двух споров и извлечь ряд аргументов в защиту точки зрения летописцев, выступающей элементом продвигаемой в ПВЛ национально-государственной идеологии единства русского народа в православии. Без этого аргументация в «Сказании об испытании вер» сводилась бы к контраргументации Владимира против мнения послов ислама, иудаизма и католицизма и его согласие рассмотреть православие, чего было бы недостаточно для обоснования

выбора в пользу последнего в качестве государственной религии, а тертиарный характер первых двух споров остался бы за кадром.

Список литературы

- Аристотель*. Риторика / Пер. с др.-греч. Н. Платоновой // Античные риторика / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 15–166.
- Гумилев Л.Н.* От Руси до России: очерки этнической истории. СПб.: Юна, 1992.
- Гимон Т.В.* Для чего писались русские летописи? // Журнал «ФИПП». 1998. № 1 (2). С. 8–16.
- Еемерен Ф. ван, Гроотендорст Р.* Систематическая теория аргументации / Пер. с англ. И.В. Берестова, О.А. Доманова, Д.В. Ильиной, И.Е. Кима. М.: Канон+, 2021.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 т. Т. 1 / Под ред. А.Н. Сахарова. М.: Наука, 1989.
- Карташёв А.В.* Очерки по истории Русской церкви. Минск: Харвест, 2007.
- Квинтилиан*. Двенадцать книг риторических наставлений / Пер. с лат. А. Никольского. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Имп. Рос. Акад., 1834.
- Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1993.
- Лихачёв Д.С.* Первые семьсот лет русской литературы // *Лихачёв Д.С.* Великое наследие: Классические произведения литературы древней Руси. М.: Азбука, 2019. С. 7–37.
- Микиртумов И.Б.* Споры тематические и нетематические: способы оценки и черты прагматики // Формальная философия аргументации / Под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб.: Алетейя, 2022. С. 266–290.
- Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: Форум Неолит, 2014.
- Поварнин С.И.* Искусство спора. О теории и практике спора // *Поварнин С.И.* Сочинения / Сост., примеч., вступ. ст. В.И. Кобзарь, Т.Е. Сохор, Л.Г. Тоноян. СПб.: Институт иностранных языков, 2015. С. 479–590.
- Повесть временных лет. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Соловьёв С.М.* Сочинения. Кн. 1. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988.
- Цицерон*. О нахождении риторики / Пер. с лат. М.М. Ледашева, П.А. Дубровой. М.: Сольба, 2020.
- Шайкин А.А.* Повесть временных лет: история и поэтика. М.: Русская панорама, 2011.
- Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 4. М.; Л.: Наука, 1940. С. 9–150.
- Barth E.M., Krabbe E.C.W.* From Axiom to Dialogue. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1982.
- Hamblin Ch.* Fallacies. London: Methuen, 1970.
- Lunt H.G.* What the Rus' Primary Chronicle Tells Us about the Origin of the Slavs and of Slavic Writing // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 335–357.
- Mineo B.* Livy's Political and Moral Values and the Principate // A Companion to Livy / Ed. by B. Mineo. Chichester: Wiley Blackwell, 2015. P. 125–138.
- Prakken H.* Historical Overview of Formal Argumentation // Handbook of Formal Argumentation / Ed. by P. Baroni, D. Gabbay, M. Giacomin, L. van der Torre. Milton Keynes: College Publ., 2018. P. 75–144.
- Rescher N.* Dialectics: A Controversy-Oriented Approach to the Theory of Knowledge. Albany: State University of New York Press, 1977.
- Walton D., Krabbe E.C.W.* Commitment in dialogue: Basic concepts of interpersonal reasoning. Albany: CUNY press, 1995.
- Wenzel J.* Three perspectives on arguments: Rhetoric, dialectic, logic // Perspectives on Argumentation: Essays in Honor of Wayne Brockriede / Ed. by R. Trapp, J. Shuetz. Prospect Heights, IL: Waveland Press, 1990. P. 9–26.

Prince Vladimir chooses orthodoxy, or Three disputes in the “Tale of the test of faith”

Elena N. Lisanyuk

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; National research university ‘Higher School of Economics’. 24/1 Staraia Basmanaia Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: elenalisanyuk@yandex.ru

We apply five classifications of argumentative dialogues to the three disputes in the “Tale of the Test of Faith” from the ‘Tale of Bygone Years’ for demonstrating their contribution to solving key problems of argumentation analysis – its detection, reconstruction and evaluation. We employ the classifications of Aristotle, S.I. Povamin, E. Krabbe and D. Walton, E. Barth and E. Krabbe, I.B. Mikirtumov. Each of them allows us to reveal certain formal, rhetorical, dialectical and pragmatic features of argumentation and dialogues where it is implemented. The results of prince Vladimir’s dispute with the ambassadors of Islam, Judaism, and Catholicism, where the prince rejects their arguments in favor of their faith, and the dispute with the ambassador of Byzantine Christianity, who calls on Vladimir to accept Orthodox baptism, are not enough to substantiate the thesis that Orthodoxy is the best faith for Rus’, because it was not discussed in them and therefore could not prevail. We compare the results of applying five classifications to all three disputes, including the dispute of the chroniclers convincing their readers of the rightness of the choice of Orthodoxy, and show how the argumentation in the first two disputes becomes part of the argumentation in the third dispute, and the chroniclers’ narratives about the values of preserving traditions, the unity of the people, the images of prince Vladimir and princess Olga, become elements of argumentation in support of the idea that rather Orthodoxy is the right choice for Rus’ than the Vladimir’s decision in favor of Orthodoxy.

Keywords: argumentation, persuasion, dispute, dialogue, classification of disputes, The Tale of the Test of Faith, The Tale of Bygone Years

For citation: Lisanyuk, E.N. “Knyaz’ Vladimir vybiraet pravoslavie, ili Tri spora v ‘Skazanii ob ispytanii ver’” [Prince Vladimir chooses orthodoxy, or Three disputes in the “Tale of the test of faith”], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2026, Vol. 19, No. 1, pp. 147–162. (In Russian)

References

- Adrianova-Peretc, V.P., Likhachev, D.S. & Romanov, B.A. (eds. & tr.) *Povest’ vremennykh let* [The Tale of the Bygone Years], Pt. 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. (In Russian)
- Barth, E.M. & Krabbe, E.C.W. *From Axiom to Dialogue*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1982.
- Eemeren, F. van & Grootendorst, R. *Systematic theory of argumentation*, ed. by I.V. Berestov, O.A. Domanov, D.V. Il’ina, I.E. Kim. Moscow: Kanon+ Publ., 2021. (In Russian)
- Gimon, T.V. ‘Dlya chego pisalis’ russkie letopisi?’ [Why Russian chronicles were written], *Zhurnal ‘FIPP’*, 1998, No. 1 (2), pp. 8–16. (In Russian)
- Gumilev, L.N. *Ot Rusii do Rossii: ocherki etnicheskoi istorii* [From Rus’ to Russia. Essays on ethnic history]. St. Petersburg: Yuna Publ., 1992. (In Russian)
- Hamblin, Ch. *Fallacies*. London: Methuen, 1970.
- Karamzin, N.M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian State], Vol. I, ed. by A.N. Saharov. Moscow: Nauka Publ., 1989. (In Russian)
- Kartashjov, A.V. *Ocherki po istorii Russkoj cerkvi* [Essays in history of the Russian church]. Minsk: Kharvest Publ., 2007. (In Russian)

- Klyuchevskii, V.O. *Russkaya istoriya. Polnyi kurs leksii v trekh knigakh, Kn. 1* [Russian history. A Complete course of lectures in three books, Book 1]. Moscow: Mysl' Publ., 1993. (In Russian)
- Ledashev, M.M. & Dubrova, P.A. (tr.) *Cicero, De inventione*. Moscow: Sol'b Publ., 2020. (In Russian)
- Likhachev, D.S. "Pervye sem'sot let russkoi literatury" [The first seven hundreds of the Russian literature], in: D.S. Likhachev, *Velikoe nasledie: Klassicheskie proizvedeniya literatury drevnei Rusi* [The Great Heritage. Classic literature works of the ancient Rus']. Moscow: Azbuka Publ., 2019, pp. 7–37. (In Russian)
- Lunt, H.G. "What the Rus' Primary Chronicle Tells Us about the Origin of the Slavs and of Slavic Writing", *Harvard Ukrainian Studies*, 1995, Vol. 19, pp. 335–357.
- Mikirtumov, I.B. "Spory tematicheskie i netematicheskie: sposoby ocenki i cherty pragmatiki" [Thematic and non-thematic disputes. Methods of evaluation and pragmatic features], *Formal'naya filosofiya argumentatsii* [Formal philosophy of argumentation], ed. by E.N. Lisanjuk. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2022, pp. 266–290. (In Russian)
- Mineo, B. "Livy's Political and Moral Values and the Principate", *A Companion to Livy*, ed. by B. Mineo. Chichester: Wiley Blackwell, 2015, pp. 125–138.
- Nikol'ski, A. (tr.) *Quintilianus, Institutionis oratoriae libri duodecim*. St. Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk Publ., 1834. (In Russian)
- Petruhin, V.Ia. *Rus' v IX-X vekah. Ot prizvaniya varjagov do vybora very* [Rus' in the IX–X cc. From the calling of Varangians to the choice of Faith]. Moscow: Forum Neolit Publ., 2014. (In Russian)
- Platonova, N. (tr.) Aristotele, "Rhetoric", in: A.A. Taho-Godi, *Antichnye ritoriki* [Ancient Rhetorics]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1978, pp. 15–166. (In Russian)
- Povarnin, S.I. "Iskusstvo spora. O teorii i praktike spora" [An art of dispute. On the theory and practice of dispute], in: S.I. Povarnin, *Sochineniya* [Writings], ed. by V.I. Kobzar, T.E. Sokhor and L.G. Tonoyan. St. Petersburg: Institut inostrannykh yazykov Publ., 2015, pp. 479–590. (In Russian)
- Prakken, H. "Historical Overview of Formal Argumentation", *Handbook of Formal Argumentation*, ed. by P. Baroni, D. Gabbay, M. Giacomin, L. van der Torre. Milton Keynes: College Publ., 2018, pp 75–144.
- Rescher, N. *Dialectics: A Controversy-Oriented Approach to the Theory of Knowledge*. Albany: State University of New York Press, 1977.
- Shahmatov, A.A. "Povest' vremennykh let' i ejo istochniki" [The Tale of the Bygone Years and its sources], *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Writings of the Department of Ancient Russian Literature], Vol. 4. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1940, pp. 9–150. (In Russian)
- Shaikin, A.A. *Povest' vremennykh let: istoriya i poetika* [The Tale of the Bygone Years. History and poethics]. Moscow: Russkaya panorama Publ., 2011. (In Russian)
- Solov'ev, S.M. *Sochineniya* [Writings], Book 1, Vols. 1–2. Moscow: Mysl' Publ., 1988. (In Russian)
- Walton, D. & Krabbe, E.C.W. *Commitment in dialogue: Basic concepts of interpersonal reasoning*. Albany: CUNY press, 1995.
- Wenzel, J. "Three perspectives on arguments: Rhetoric, dialectic, logic", *Perspectives on Argumentation: Essays in Honor of Wayne Brockriede*, ed. by R. Trapp and J. Shuetz. Prospect Heights, IL: Waveland Press, 1990, p. 9–26.